

Мальчишки нашли в кустах мешок денег. Странная это была «кубышка», скорее брошенная, чем спрятанная — чуть ли не под самыми окнами многоквартирной семиэтажки. В матерчатой хозяйственной сумке весом с пудовую гирию звенела в полном наборе... мелочь от копейки до двадцатника с гербом Советского Союза. Заканчивалась перестройка, и на ту звонкую монету не купить было уже и коробка спичек. Кого обрадовать находкой, мальчишки сразу догадались — живущего по соседству нумизмата, исследователя кладов Максимова.

А вообще-то советские деньги — ни в науке, ни в жизни не конек нашего собеседника, научного сотрудника музея 10-го разряда на зарплате в 1210 рублей. В музее-заповеднике Андрей служит в штате отдела хранения, у него репутация знатока ярославских кладов петровских времен и последующих полутора веков.

Он автор глав в книге «Ярославские клады», написанной вместе с оппонентом его дипломной работы в педвузе на ту же тему, а теперь коллегой по музею Татьяной Рязанцевой. Выпленный ими по программе «Университеты России» гигантский труд еще не раз послужит историкам и в новом столетии. Хотя бы тем, что в монографии были впервые собраны и обобщены данные обо всех 143 кладах, найденных на Верхней Волге больше чем за тысячу лет, — денег от древнеарабских дирхемов до советского червонца нэповской чеканки.

Чуть ли не любой клад можно рассматривать в истории государства и судьбах людей знаком беды. Деньги прятали до лучших времен в надежде пережить военное лихолетье или смелу правителей после вооруженного переворота, неурожай или холерный мор. Андрей у компьютера показывает, как это выглядит на примере недавно разобранного им самого крупного в фондах музея-заповедника серебряного клада эпохи Просвещения — из деревни Шилово Некрасовского района.

В нем 352 рубля, по курсу середины века целое состояние. По «младшей» монете видно, когда именно его, завернув в тряпицу, закопали на огороде — в 1763 году. На деньгах — портреты царей и цариц за полвека, начиная с Петра Великого. По версии Максимова, крестьянская семья копила денежки, чтобы выкупиться на волю.

Клад нашли на месте пожара, и это как будто бы означало, что огонь погубил все надежды. Все же исследователь склонен думать,

что у этой интриги было благополучное продолжение. В архиве попались ему на глаза имена питерских купцов Кундышевых-Володиных.

Родом они как раз из той деревни. В следующем веке они там построили церковь и

врачи, знали это лучше многих. Андрей выжил, но кара за непокорство судьбе была безжалостной — церебральный паралич, неподвижность, спазмы речевого аппарата.

С тех пор вся жизнь этой семьи стала бессрочным са-

кандидатских. В науку пошел и Андрей с домашней академией за плечами — освоил несколько шкафов книг, всей семьей собранных за долгие годы.

Такого багажа хватило и на то, чтобы компанейский Андрей в школьные годы умудрялся еще и помогать с учебной работой, и на то, чтобы закончить в пединституте два факультета, и оба с отличием: вслед за инязом — истфак. В то время, между прочим, ни одного клада в натуре Максимов не видел. Восполнял пробел эрудицией, крепкой памятью, независимостью суждений. На этих трех китах надежно держалась его дип-

ломная работа о ярославских кладах как историческом источнике.

Один из курсовых рефератов на эту тему они рискнули показать в Государственном историческом музее. Ас российской науки о кладах, будущий консультант их с Рязанцевой монографии профессор Мельникова в ответ написала

пробу сил состоялась. Ему доверили отреставрированный в Эрмитаже «крестьянский клад» из деревни Булаково Лю-

бимского района: деньги времен императриц Елизаветы и Екатерины II — 654 копейки, каждая величиной с ноготь мизинца.

Показывая нам график чеканки по годам, Андрей спортивного интереса ради озадачил нас почти пустой графой 1773 года. В кладе монет этого года всего три или четыре. Мол, догадаться почему? До чего же человек азартный — и подумать не дал.

Оказывается, чеканили в Екатеринбурге. В том году вокруг города ходил со своим разбойным воинством Емелька Пугачев, и меди на монетный двор не завозили. Чекан резко упал. Именно это Булаковский клад с точностью хорошего сейсмографа и отразил.

На досуге Андрей поддерживает дух, собирая — нет, не деньги — коллекцию настольных статуэток. В ней только собаки разных пород и габаритов. Для него лучшая защита от невзгод — юмор. Классиков при этом предпочитает не трогать. Иногда кем-то сказанное всерьез становится его фирменной подначкой на все случаи жизни. В нужный момент умеет шуткой и ближнего ободрить. Одну такую, в рифму, Ия Вячеславовна, тоже человек с юмором, продекламировала наизусть: «Очень с папой нас любя, мама вышла из себя. И теперь нам непонятно, как вернуть ее обратно».

Сплошной смех сквозь слезы — максимовская колясочная эпопея. Инвалидных колясок у него целых три. Из них на ходу лишь одна — комнатная с

дально протертым жестким сиденьем. Имеется, правда, и новая, полученная в дни акции «Филантроп». Получили ее в собесе как уличную, способную преодолевать преграду высотой в двадцать сантиметров. Чья тут накладка, неизвестно, только на деле оказалось, что под силу этому новенькому транспортному средству сантиметра два. К тому же приступка у нее так непродуманно выдвинута вперед, что при посадке вся конструкция норовит подняться на дыбы, как необъезженный конь.

Юлиан НАДЕЖДИН.
На снимке: Андрей МАКСИМОВ на прогулке.
Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

ДЕВЯТЬ ТОНН ДЛЯ ПОДНЯТИЯ ДУХА

школу, а в близлежащем Вятском — дом для престарелых. Не их ли предок, чьи дети потом выкупались-таки на свободу, и зарыл серебро у себя на огороде?

В младенчестве он заболел самой злой из желтух, что редко дарит шансы на жизнь. Ия Вячеславовна и Виктор Владимирович, дипломированные

моотверженным вызовом почти безнадежным обстоятельствам.

О тех, кто не оставил их в беде, наверное, можно было бы написать целую повесть. Главными героями ее все же стали бы они сами, супруги Максимова. Чуть ли не прямым гражданским долгом посчитали они для себя защиту

ломная работа о ярославских кладах как историческом источнике.

Один из курсовых рефератов на эту тему они рискнули показать в Государственном историческом музее. Ас российской науки о кладах, будущий консультант их с Рязанцевой монографии профессор Мельникова в ответ написала

бимского района: деньги времен императриц Елизаветы и Екатерины II — 654 копейки, каждая величиной с ноготь мизинца.

Показывая нам график чеканки по годам, Андрей спортивного интереса ради озадачил нас почти пустой графой 1773 года. В кладе монет этого года всего три или четыре. Мол, догадаться почему? До чего же человек азартный — и подумать не дал.

Оказывается, чеканили в Екатеринбурге. В том году вокруг города ходил со своим разбойным воинством Емелька Пугачев, и меди на монетный двор не завозили. Чекан резко упал. Именно это Булаковский клад с точностью хорошего сейсмографа и отразил.

На досуге Андрей поддерживает дух, собирая — нет, не деньги — коллекцию настольных статуэток. В ней только собаки разных пород и габаритов. Для него лучшая защита от невзгод — юмор. Классиков при этом предпочитает не трогать. Иногда кем-то сказанное всерьез становится его фирменной подначкой на все случаи жизни. В нужный момент умеет шуткой и ближнего ободрить. Одну такую, в рифму, Ия Вячеславовна, тоже человек с юмором, продекламировала наизусть: «Очень с папой нас любя, мама вышла из себя. И теперь нам непонятно, как вернуть ее обратно».

Сплошной смех сквозь слезы — максимовская колясочная эпопея. Инвалидных колясок у него целых три. Из них на ходу лишь одна — комнатная с